

Николай Карташов

Война

Герой Советского Союза генерал армии Николай Фёдорович Ватутин по праву принадлежит к числу самых талантливых полководцев Великой Отечественной войны. Его имя неразрывно связано с победами Красной армии под Сталинградом и на Курской дуге, при форсировании Днепра и освобождении Киева... Не случайно Ватутина называли «генералом от наступления», «генералом от победы». А немецкие военачальники, испытавшие силу и мощь ватутинских ударов, окрестили его «гроссмейстером».

В год 75-летия Великой Победы в издательстве «Молодая гвардия» в популярной серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Николая Карташова «Ватутин», посвященная прославленному полководцу. Предлагаемый читателям отрывок из книги рассказывает о первых часах и днях войны, о работе Генерального штаба РККА, военачальниках, принимаемых Сталиным и военным руководством решениях.

...Субботный день 21 июня близился к концу. Для первого заместителя начальника Генерального штаба РККА генерал-лейтенанта Николая Федоровича Ватутина он прошёл, как обычно, в напряженном ритме: совещание у начальника Генштаба, работа с документами, телефонные переговоры с командованием округов и куча ещё других неотложных дел. Массивные часы, стоявшие в углу его просторного кабинета, показывали без четверти восьмого. Но Ватутин планировал быть на службе до поздней ночи. Впрочем, по такому неписанному распорядку Николай Федорович жил все последние месяцы. Генерал аккуратно сложил в стопку часть прочитанных документов, собираясь положить их в сейф, как затрезвонил телефон. Звонил начальник Генерального штаба генерал армии Георгий Константинович Жуков.

— Зайди-ка ко мне, — быстро бросил он.

Войдя в кабинет, Николай Федорович сразу обратил внимание на немного озабоченный вид Жукова. Заложив руки за спину, он прохаживался вдоль стола.

— Только что звонил генерал Пуркаев¹, — сказал Георгий Константинович. — Сообщил, что к нашим пограничникам перебежал немецкий фельдфебель. Перебежчик утверждает, что их войска уже выходят в исходные районы для наступления, которое начнётся утром 22 июня. Что думаешь, Николай Федорович, по этому поводу?

¹На тот момент генерал-лейтенант М. А. Пуркаев занимал пост начальника штаба Киевского Особого военного округа.

²Нарком обороны СССР, маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко.

— Не исключаю, что это уже война, — ответил Ватутин.

— Я тоже такого мнения, — кивнул Жуков. — О перебежчике я доложил Тимошенко², а потом товарищу Сталину. Мне и наркому приказано прибыть в Кремль. Ты тоже едешь с нами, мало ли что потребуется.

Проект директивы о приведении войск в полную боевую готовность и занятии ими позиций для отражения удара противника был заготовлен давно — Николай Федорович постарался. И вот теперь этот документ был как нельзя кстати.

Сталин находился в кабинете один. Неторопливо прохаживаясь по мягкому ковру, он мрачно спросил:

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — И направил свой властный взгляд сначала на Тимошенко, потом на Жукова и Ватутина.

Как известно, Сталин всеми силами стремился оттянуть войну. В течение нескольких месяцев он не разрешал военным предпринимать каких-либо мер на Западном и Юго-Западном театре боевых действий. Вождь считал, что любое передвижение советских войск у границ может вызвать раздражение немцев и станет предлогом для начала войны. Вот и сейчас своей волей, как всегда, он опять хотел закрыть этот вопрос.

— Нет, товарищ Сталин, — в пику сталинским словам твердо ответил Семён Константинович. — Обстановка очень серьёзная. Считаем, что перебежчик говорит правду.

— Что будем делать?

— Нужно немедленно дать директиву о приведении войск приграничных округов в полную боевую готовность, — продолжал Тимошенко. — Проект такой директивы генерал армии Жуков имеет.

— Читайте, — сказал Сталин.

Жуков сделав шаг вперед, привычно щелкнул каблуками сапог и, раскрыв папку, прочитал проект директивы.

Внимательно выслушав Жукова, Сталин прошелся взад-вперёд по кабинету. Затем остановился, вынул трубку изо рта, покачал головой:

— Нет, такую директиву давать преждевременно. Может быть, вопрос ещё уладится мирным путём. Надо направить короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий германских частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызывать осложнений.

Сказанные Сталиным слова, не подлежали обсуждению. Решение вождя всегда было окончательное. Не теряя времени, Жуков и Ватутин вышли в соседнюю комнату, чтобы срочно составить проект новой директивы. Именно рукой Ватутина был написан этот ставший историческим документ.

Возвратившись в кабинет Сталина, Жуков и Ватутин попросили разрешения доложить. Подготовленный ими документ Сталин выслушал спокойно, взял текст, сам ещё раз прочитал. Потом, сев за стол, внёс незначительные поправки и передал проект на подпись Тимошенко. Текст

директивы гласил:

«Военным советам ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно её замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко. Жуков.

21.6.41 г.»

Ватутин с подписанной директивой немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы передать её в округа. Шифрование и передача директивы было закончено в 00 30 минут 22 июня 1941 года. После этого Николай Федорович вернулся в свой кабинет. Всем работникам Наркомата обороны и Генштаба было приказано оставаться на своих местах.

Возвратившийся из Кремля Жуков, первым делом спросил Николая Федоровича о том, дошла ли директива до округов и как идёт работа по её выполнению. Ватутин доложил о передаче директивы, её получение подтверждено в округах и на флотах, на местах приступили к приведению войск в боевую готовность.

Однако ни Жукова, ни Ватутина не покидало чувство гнетущего беспокойства. Они отдавали себе отчёт в том, что если война начнётся в утренние часы, как об этом сообщил перебежчик, то в состоянии боевой готовности войска будут приведены лишь частично. Это в лучшем случае, в худшем — они даже не выдвинутся в заданные районы, не тронувшись с мест расквартирования. Так собственно и случится.

Многие дивизии были подняты по тревоге не в соответствии с полученными приказами и распоряжениями, а в результате бомбардировок и артиллерийских обстрелов немцев. Из-за выведенных из строя диверсантами проводных линий связи приказы адресаты не получили. Части и соединения,

начав выдвижение в указанные районы, в большинстве случаев так и не дошли до них. Путь им преградили наступавшие танковые армады вермахта, и они вынуждены были вступать в бой с ходу. Войскам второго эшелона пришлось выдвигаться к границе под непрерывными ударами вражеских самолетов. Командиры не знали обстановки. Районы, в которые предписывалось прибыть соединениям, были уже заняты войсками вермахта, сумевшим добиться тактической, оперативной, а затем и стратегической внезапности.

Но все это скоро произойдет. Сейчас же текли напряженные часы ожидания. Примерно в полночь из Киевского Особого военного округа поступила ещё одна тревожная весть. К нашим пограничникам, переплыв речку, явился солдат 74-й пехотной дивизии. Он сообщил, что немецкие войска начнут наступление сегодня, 22 июня в 4 часа.

Под утро нарком обороны вызвал к себе Жукова и Ватутина, чтобы узнать, как в округах идет выполнение переданной директивы. Однако их доклады уже потеряли актуальность. От Чёрного до Баренцева моря государственная граница СССР содрогнулась от артиллерийских залпов, разрывов авиационных бомб, рёва танковых моторов... В украинских, белорусских и прибалтийских приграничных сёлах и городах зазвучала грубая немецкая речь.

Войну ждали, к ней готовились, но она пришла внезапно. В первые же часы враг вторгся на советскую землю на многие десятки километров. Его танки, взламывая оборону Красной Армии как неокрепший лед, корежили своими гусеницами дороги, ведущие к Минску, Киеву, Москве... Никто не мог и представить, что на военных аэродромах Украины, Белоруссии, Прибалтики яркими факелами запылают красноезвездные крылатые машины, так и не успевшие взмыть в небо. Трудно было поверить и в тот факт, что на ряде важнейших участков фронта в клещах гитлеровцев оказалось немало воинских частей, с невероятным упорством пытавшиеся вырваться из окружения.

Вот как описывает первые трагические минуты и часы начала Великой Отечественной войны Жуков:

«В 3 часа 07 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский и сообщил: “Система ВНОС³ флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний”.

Я спросил адмирала:

— Ваше решение?

— Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота. Переговорив с С. К. Тимошенко, я ответил адмиралу Ф. С. Октябрьскому:

— Действуйте и доложите своему наркому.

В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В. Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа генерал М. А. Пуркаев

доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским военным округом генерал Ф. И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской авиации на Каунас и другие города.

Нарком приказал мне звонить И. В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос генерала Власика (начальника управления охраны).

— Кто говорит?

— Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным. — Что? Сейчас?! — изумился начальник охраны. — Товарищ Сталин спит.

— Будите немедленно: немцы бомбят наши города, началась война. Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили:

— Подождите.

Минуты через три к аппарату подошел И. В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И. В. Сталин молчит. Слышу лишь его тяжелое дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

— Будут ли указания? — настаиваю я.

Наконец, как будто очнувшись, И. В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Приезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро.

В 4 часа я вновь разговаривал с Ф. С. Октябрьским. Он спокойным тоном доложил:

— Вражеский налет отбит. Попытка удара по нашим кораблям сорвана. Но в городе есть разрушения.

Я хотел бы отметить, что Черноморский флот во главе с адмиралом Ф. С. Октябрьским был одним из первых наших объединений, организованно встретивших вражеское нападение.

В 4 часа 10 минут Западный и Прибалтийский особые округа доложили о начале боевых действий немецких войск на сухопутных участках округов. В 4 часа 30 минут утра мы с С. К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И. В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку.

Мы доложили обстановку. И. В. Сталин недоумевающе сказал:

— Не провокация ли это немецких генералов?

— Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация... — ответил С. К. Тимошенко.

— Если нужно организовать провокацию, — сказал И. В. Сталин, — то немецкие генералы бомбят и свои города... — И, подумав немного, продолжал: — Гитлер наверняка не знает об этом.

— Надо срочно позвонить в германское посольство, — обратился он к В. М. Молотову.

В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения.

Принять посла было поручено В. М. Молотову.

Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н. Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков северо-западного и западного направлений перешли в наступление.

Мы тут же просили И. В. Сталина дать войскам приказ немедленно организовать ответные действия и нанести контрудары по противнику.

— Подождем возвращения Молотова, — ответил он. Через некоторое время в кабинет быстро вошел В. М. Молотов:

— Германское правительство объявило нам войну.

И. В. Сталин молча опустил на стул и глубоко задумался.

Наступила длительная, тягостная пауза.

Я рискнул нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение.

— Не задержать, а уничтожить, — уточнил С. К. Тимошенко.

— Давайте директиву, — сказал И. В. Сталин. — Но чтобы наши войска, за исключением авиации, нигде пока не нарушали немецкую границу.

Трудно было понять И. В. Сталина. Видимо, он все еще надеялся как-то избежать войны. Но она уже стала фактом. Вторжение развивалось на всех стратегических направлениях».

В 7 часов 15 минут в округа была передана одобренная Сталиным директива № 2:

«Военным советам ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО

Копия нар[одному] ком[иссару] Воен[но-]мор[ского] флота.

22 июня 1941 года в 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением Германии на Советский Союз приказываю:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. До особого распоряжения наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской

территории до 100–150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территории Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

Тимошенко

Жуков

Маленков

№ 2

22.6.41 г. 7.15»

Однако эта директива уже не отвечала сложившейся обстановке. Как станет вскоре известно, «мощные удары» наносить было практически некому. Только в первый день ВВС Западного Особого военного округа потеряли 738 самолётов, из них — 538 на аэродромах. Аналогичное положение было в Киевском и Прибалтийском Особых военных округах. Уже с первых часов агрессии немецкие лётчики добились господства в воздухе, уничтожив за один день 22 июня 1200 советских самолётов. Огромны были потери в артиллерии, но особенно в танках.

События развивались с молниеносной быстротой. К 8 часам утра в Генштабе удалось сложить из разрозненных и противоречивых сообщений общую картину проходивших боевых действий. Она выглядела так:

— сильным ударам бомбардировочной авиации противника подверглись многие аэродромы Западного, Киевского и Прибалтийского Особых военных округов (22 июня были преобразованы соответственно в Западный, Юго-Западный и Северо-Западный фронты), где серьезно пострадала прежде всего авиация, не успевшая подняться в воздух и рассредоточиться по полевым аэродромам;

— бомбардировке подверглись многие города и железнодорожные узлы Прибалтики, Белоруссии, Украины, военно-морские базы Севастополя и в Прибалтике;

— завязались ожесточенные сражения с сухопутными войсками немцев вдоль всей нашей западной границы. На многих участках немцы уже вступили в бой с передовыми частями Красной Армии;

— поднятые по боевой тревоге стрелковые части, входившие в первый эшелон прикрытия, вступали в бой с ходу, не успев занять подготовленных позиций;

— на участке Ленинградского военного округа пока было спокойно, противник ничем себя не проявлял.

Тимошенко позвонил Сталину, доложил ему эту информацию и попросил разрешения приехать в Кремль, чтобы представить проект Указа Президиума Верховного совета СССР о проведении мобилизации и проект постановления об образовании Ставки Главного командования, а также обсудить ряд других вопросов. Сталин дал добро, и вскоре Тимошенко, Жуков и Ватутин вновь были в его кабинете. Ватутин взял для доклада карту с обстановкой стратегического фронта, которую потом разложит на зелёном сукне сталинского стола. Правда, на неё Сталин взглянет лишь мельком — смотреть на рассыпанные на ней веером синие и красные стрелы ему было не

интересно. Он ждал новостей, но к уже доложенным ему каких-то полчаса назад сведениям, добавить было нечего.

В кабинете Сталина присутствовали все члены Политбюро. Вождь, как никогда, был суров и мрачен. Его тёмное лицо, побитое оспой, выражало явное недовольство. Быстро прочитав проект Указа о проведении мобилизации, Сталин передал своему личному секретарю и заведующему Особым сектором ЦК ВКП(б) А. Н. Поскрёбышеву для утверждения в Президиуме Верховного совета. Этим документом с 23 июня объявлялось мобилизация военнообязанных 1905–1918 годов рождения на территории 14 военных округов (то есть всех, за исключением Дальневосточного, Забайкальского и Среднеазиатского). Одновременно на всей европейской территории страны вводилось военное положение.

Ещё один документ — проект постановления о создании Ставки Главного командования Сталин оставил у себя, чтобы рассмотреть его на заседании Политбюро. Решение о создании Ставки Главного командования Вооруженных сил СССР — высшего органа руководства действиями армии и флота будет принято 23 июня Советом народных комиссаров (СНК) СССР и ЦК ВКП(б). В состав её вошли нарком обороны СССР маршал Советского Союза С. К. Тимошенко (председатель), начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков, И. В. Сталин, заместитель председателя СНК СССР и нарком иностранных дел В. М. Молотов, заместитель председателя СНК СССР маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, заместитель наркома обороны СССР маршал Советского Союза С. М. Будённый и нарком Военно-морского флота СССР адмирал Н. Г. Кузнецов. Одновременно был утвержден состав постоянных советников при этом органе, куда были включены Б. М. Шапошников, Н. Ф. Ватутин, К. А. Мерецков, Н. Н. Воронов, А. И. Микоян, Н. А. Вознесенский, А. А. Жданов, Л. З. Мехлис, другие военные, партийные и государственные деятели.

Из Кремля Ватутин снова вернулся в Генштаб. Направленцы непрерывно сообщали Николаю Федоровичу о стремительно меняющейся обстановке:

- Корпус Рокоссовского находится...
- Рябышев выступил...
- Потапов и Музыченко вступили в бой.
- Авиация противника продолжает бомбить Одессу, Севастополь...

Свидетелем этих докладов стал командир 21-го механизированного корпуса генерал-майор Д. Д. Лелюшенко, вызванный накануне в Генштаб. Утром 22 июня он прибыл к Ватутину по делам своего объединения. Но Николай Федорович смог уделить Лелюшенко лишь несколько минут.

— Скорее возвращайтесь в корпус, — сказал он. — Все указания вам будут посланы директивой.

«Мозг армии» работал в напряженном ритме. В середине дня по радио выступил с обращением к гражданам страны В. М. Молотов. Заключительные фразы «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет

за нами», сказанные Молотовым, прибавили Николаю Федоровичу немного настроения, но всё равно оно оставалось тяжким и тревожным.

После полудня ему позвонил Жуков, вызвал к себе. Разговор был недолгим.

— Только что разговаривал со Сталиным. Мне приказано срочно убыть на Юго-Западный фронт как представителю Ставки. Остаешься за меня, — сказал Георгий Константинович.

В своих воспоминаниях Жуков так описал своё срочное убытие на Украину:

«Примерно в 13 часов мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Я их вызывал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с [1-м секретарем ЦК КП(б) Украины] Хрущевым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Я спросил:

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И. В. Сталин ответил:

— Оставьте за себя Ватутина.

Потом несколько раздраженно добавил:

— Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся».

Как принималось это решение — констатирует военный историк Д. А. Волкогон, автор книги «Триумф и трагедия Сталина»: «Не закончив обсуждения с Молотовым, Ждановым, Маленковым документа о создании Ставки Главного командования, который привез Тимошенко, Сталин вдруг поднялся, походил по кабинету и приказал:

— Срочно направить авторитетных представителей Ставки на Юго-Западный и Западный фронты. К Павлову поедут Шапошников и Кулик, к Кирпоносу — Жуков. Вылететь сегодня же. Немедленно.

Подойдя к столу и оглядев всех присутствующих, вновь жестко и как бы с угрозой сказал:

— Немедленно!

Все согласно закивали...»

Возможно, так оно было. Жуков убыл на фронт искать порванные нити управления, а Ватутин стал исполнять обязанности начальника Генерального штаба. К сожалению, мы никогда не узнаем, о чём в те страшные, трагические дни думал Ватутин, взвалив на себя невероятно огромный груз ответственности. Но с уверенностью можно сказать, что все его дела и помыслы были подчинены одному — отдать все свои силы, а если потребуется, и жизнь во имя Родины. И как высокопарно это не звучит, но судьба страны в тот поистине роковой период зависела и от действий

Ватутина. Также, вне всякого сомнения, ему не раз вспоминались и слова Шапошникова о том, что «штаб — это первейший орган, с помощью которого командир проводит в жизнь свои решения». И сейчас Генеральный штаб являлся первейшим органом, на который был обращен взор руководства страны.

Николай Федорович хорошо понимал, что нарушение управления войсками, не говоря уже о его полной потере, серьезно осложняет организацию отпора агрессору. Отсутствие постоянной связи с частями и соединениями, их штабами, что, собственно, и происходило на данный момент, лишало командиров и штабы возможности получать информацию о происходящих событиях. Из-за этого возникали большие трудности в принятии решений, выработке предложений, а также в осуществлении контроля за развитием и ходом боевых действий.

Шли часы, но даже к исходу дня 22 июня так и не удалось получить от штабов фронтов, армий и ВВС точные сведения об обстановке на фронтах, о глубине вторжения гитлеровских войск на территорию страны. Не было никаких данных о потерях в наземных войсках и авиации. Никто не знал, где находились командующие Западным и Северо-Западным фронтами генералы Д. Г. Павлов и Ф. И. Кузнецов. А ведь именно на этих направлениях вовсю уже гремели кровопролитные бои.

В то же время Сталин постоянно требовал представить ему информацию том, что происходит в приграничных районах, какие меры принимаются по выполнению отправленной в войска Директивы № 2. В течение суток он неоднократно об этом спрашивал лично или по телефону у Тимошенко, Жукова и Ватутина. А с убитием Жукова на Украину вождь обращался либо к Тимошенко, либо к Ватутину.

— Когда вы наконец доложите ясную картину на границе? — зло и нетерпеливо, — спрашивал он. — Что делают командующие, где они? Чем занимается, наконец, Генштаб?

Сталинские резкие слова били больно, а крыть их ни Тимошенко, ни Ватутину было нечем. По определению, Сталину невозможно было сообщать какие-то ориентировочные, а тем более преувеличенные данные. Он не терпел ответов наугад, приблизительных, всегда требовал исчерпывающей полноты. Сталин считал, что необходимы новые жесткие указания из центра. Именно они должны побудить штабы и войска к решительным действиям. По его поручению Ватутин к концу дня 22 июня подготовил ещё одну директиву, в которую Сталин внёс поправки, касающиеся нанесения именно «мощных ударов». Под этим документом, известным как Директива № 3, стоят подписи Тимошенко, Маленков и Жуков. И хотя Жуков уже находился на Юго-Западном фронте, Сталин приказал Ватутину поставить и его фамилию. Незадолго до полуночи директива была отправлена на фронты. Приведем из неё лишь некоторые выдержки:

«Военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов

1. Противник, нанося главные удары из Сувалковского выступа на Олита и из района Замостье на Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит, Шяуляй, Седлец, Волковыск, в течение 22.6., понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях. На остальных участках госграницы с Германией и на всей госгранице с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями.

2. Ближайшей задачей войск на 23–24.6. ставлю:

а) концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить Сувалковскую группировку противника и к исходу 24.6. овладеть районом Сувалки;

б) мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6 А[рмий] окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24.6. овладеть районом Люблин...

3. ПРИКАЗЫВАЮ:

а) Армиям Северного фронта продолжать прочное прикрытие госграницы. Граница слева — прежняя.

б) Армиям Северо-Западного фронта, прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунас во фланг и тыл сувалкинской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки. Граница слева — прежняя.

в) Армиям Западного фронта, сдерживая противника на варшавском направлении, нанести мощный контрудар силами не менее двух мехкорпусов и авиации во фланг и тыл сувалкинской группировки противника, уничтожить ее совместно с Северо-Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки. Граница слева — прежняя.

г) Армиям Юго-Западного фронта, прочно удерживая границу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5 и 6 А[рмий], не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 26.6 овладеть районом Люблин...»

Между тем выполнить эту директиву командующим фронтами было крайне трудно. О проведении контрнаступления в условиях, когда мощные танковые и моторизованные соединения вермахта, поддерживаемые крупными силами авиации, продолжали неудержимо двигаться вперед, не могло быть и речи. В сложившейся обстановке единственно правильным решением могли быть только контрудары мехкорпусов против клиньев бронетанковых группировок противника.

Однако предпринятые контрудары войсками Северо-Западного и Западного фронтов, к сожалению, из-за слабого авиационного прикрытия, несогласованности действий, плохого артиллерийского обеспечения не достигли желаемого результата. Войска понесли большие потери. Особенно в

тяжёлом положении оказались части и соединения 3-й и 10-й армий Западного фронта. Они оказались практически окружены и с трудом пробивались под непрерывными ударами авиации и танковых частей вермахта.

С этими горестными вестями Ватутин в очередной раз прибыл к Сталину — в те страшные дни он вместе с Тимошенко бывал в его кабинете не менее двух-трёх раз за сутки, не считая разговоров по телефону. Только в течение 25 июня Николай Федорович трижды находился на докладе у Сталина, о чём свидетельствует журнал регистрации лиц, которых тот принимал.

— Взламывая нашу оборону, немецкие войска продолжают продвигаться в глубину территории, — негромко, но чётко докладывал Ватутин. — На всех направлениях своих главных ударов немцы имеют 5–6 кратное превосходство... На подступах к Минску соединения 2-го стрелкового корпуса генерала Ермакова ведут кровопролитные бои с частями 3-танковой группы врага...

— Что вы говорите, какие подступы к Минску?! — бросив вопрошающий взгляд, резко прервал Ватутина Сталин, — Вы что-то путаете?! Откуда у вас эти сведения?

— Никак нет, товарищ Сталин, не путаю, — так же негромко, но, всё же волнуясь, ответил Ватутин. — Данные представителей Генштаба, посланных в войска, и авиаразведки совпадают. Сегодня можно сказать, что части и соединения первого эшелона не смогли остановить противника у границы и обеспечить развертывание подходящих войск. Фактически Западный фронт прорван...

Неблагоприятная обстановка, далее докладывал Ватутин, была и на Северо-Западном фронте. С тяжелейшими боями 8-я армия генерал-майора П. П. Собенникова отходила к Риге, а 11-я армия генерал-лейтенанта В. И. Морозова — в направлении Полоцка. В ещё более трудном положении оказалась 27-я армия генерал-майора Н. Э. Берзарина. Её, сражавшуюся в районе Даугавпилса, вот-вот должны были обхватить цепкие танковые клещи немцев.

И опять свирепый гнев Сталина. Гнев, который только дезорганизовывал в той трудной обстановке и без того недостаточно отлаженную работу Генштаба. Что Тимошенко, что Ватутина невероятно тяжело было каждый раз выслушивать оскорбительные, бранные и злые тирады Сталина. В эти минуты каждый из них, вне всякого сомнения, хотел находиться не здесь, в разрываемом громами и молниями кабинете, а на фронте, в окопах, рядом с бойцами и командирами. Существует версия, что, якобы в ответ на очередные упрёки Сталина, Тимошенко и Ватутин высказали просьбу направить их в войска, на фронт.

— Фронт от вас никуда не денется, — строго ответил им Сталин. — А кто будет в Генштабе расхлёбывать сложившуюся на фронтах обстановку? Кто будет исправлять положение?!

Жуков вспоминал: «Поздно вечером 26 июня я прилетел в Москву и прямо с аэродрома — к И. В. Сталину. В кабинете И. В. Сталина стояли навытяжку нарком С. К. Тимошенко и мой первый заместитель генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Оба бледные, осунувшиеся, с покрасневшими от бессонницы глазами. И. В. Сталин был не в лучшем состоянии.

Поздоровавшись кивком, И. В. Сталин сказал:

— Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке? — и бросил на стол карту Западного фронта.

— Нам нужно минут сорок, чтобы разобраться, — сказал я.

— Хорошо, через сорок минут доложите.

Мы вышли в соседнюю комнату и стали обсуждать положение дел и наши возможности на Западном фронте.

Обстановка там сложилась действительно исключительно тяжелая. Западнее Минска были окружены и дрались в неравном бою остатки 3-й и 10-й армий, сковывая значительные силы противника. Остатки 4-й армии частично отошли в Припятские леса. С линии Докшицы — Смоленичи — Слуцк — Пинск отходили на реку Березину разрозненные части войск, понесшие в предыдущих боях серьезные потери. Эти ослабленные войска фронта преследовались мощными группировками противника.

Обсудив положение, мы ничего лучшего не могли предложить, как немедленно занять оборону на рубеже р. Зап[адная] Двина — Полоцк — Витебск — Орша — Могилев — Мозырь и для обороны использовать 13, 19, 20, 21-ю и 22-ю армии. Кроме того, следовало срочно приступить к подготовке обороны на тыловом рубеже по линии оз. Селижарово — Смоленск — Рославль — Гомель силами 24-й и 28-й армий резерва Ставки. Помимо этого, мы предлагали срочно сформировать еще 2–3 армии за счет дивизий Московского ополчения.

Все эти предложения И. В. Сталиным были утверждены и тотчас же оформлены соответствующими распоряжениями.

В своих предложениях мы исходили из главной задачи — создать на путях к Москве глубоко эшелонированную оборону, измотать противника и, остановив его на одном из оборонительных рубежей, организовать контрнаступление, собрав для этого необходимые силы частично за счет Дальнего Востока и главным образом новых формирований».

С возвращением Жукова в Москву работы у Ватутина не поубавилось, но всё же стало легче. До этого были сплошные бессонные дни и ночи. Усталость валила с ног. Ни на минуту не покидала внутренняя напряженность. Теперь же появилась возможность часок-другой прикорнуть — спал в кабинете, не раздеваясь. На доклады в Кремль ездили Тимошенко и Жуков, а Николай Федорович оставался на хозяйстве, решая с подчиненными всё новые и новые задачи Ставки Главного Командования. Вот как описывает будни Генштаба того периода А. М. Василевский:

«Не переставая, работали “Бодо” — телеграфные аппараты, отправлявшие сразу несколько телеграмм по встречным курсам. Бывшие окружные штабы, а ныне фронтовые управления слали нам свои донесения.

Мы передавали распоряжения Центра в войска. Людей не хватало. Главная работа сосредоточилась в большом зале, куда были стянуты основные кадры, обслуживавшие связь с войсками. Всюду карты — географические и топографические, разных масштабов и предназначений. Непрерывные донесения. Телеграфные или доставляемые самолетами связи, самолетами-разведчиками. Информация, как можно более полная и точная, необходима, как воздух. Что происходит на фронтах, где находятся войска, наши и вражеские, на каком рубеже идут бои? Куда направить подкрепления, где и какая необходима боевая техника? Лишь бы не сбиться с ритма, не опоздать, вовремя дать сведения Ставке...

Попытки Главного командования остановить быстрое выдвижение в глубь страны мощных группировок врага силами неизготовленных к этому и понесших серьезные потери войск приграничных округов не удалось. Поэтому оно пришло к единственно правильному в тех условиях решению — использовать подходившие из глубины страны отобилизованные эшелоны войск для создания нового стратегического фронта обороны. Оно решило ряд других довольно сложных проблем. Основные из них: немедленная организация прочной, устойчивой связи Главного командования с фронтами и во фронтах с войсками; выбор на местности наиболее выгодных для организации обороны рубежей и подготовка их в инженерном отношении; создание на этих рубежах группировок войск, наиболее отвечающих складывающейся к тому времени фронтовой обстановке; своевременный вывод на эти рубежи войсковых группировок, развертывание и подготовка их к обороне; всемерное повышение политико-морального состояния и боеспособности войск, массовая и срочная подготовка в военном и политическом отношении людских ресурсов и создание новых мощных стратегических резервов; организация производства в этих тягчайших для страны условиях для обеспечения фронта всеми необходимыми материальными ресурсами, для более успешного ведения вооруженной борьбы с врагом».

Безусловно, работа проводилась огромная. И тем не менее обстановка на фронтах продолжала осложняться с каждым днём. Враг, несмотря на упорное и яростное сопротивление частей и соединений Красной Армии, неумолимо двигался вперёд к намеченным целям — Киеву, Москве, Ленинграду... 29 июня стали поступать сообщения о том, что войска Западного фронта после тяжелых боёв оставили столицу Белоруссии — Минск. Сталин позвонил Тимошенко и в раздражённой манере, ставшей уже привычной, спросил:

— Что происходит под Минском? Как там дела?

В этот момент у наркома обороны не хватило мужества прямо ответить Сталину о том, что Минск действительно сдали. Тимошенко, вероятно, надеялся, что положение будет исправлено, поэтому сказал как-то неопределенно:

— Я не могу сейчас доложить, товарищ Сталин... — Нарком не закончил говорить, его тут же прервал Сталин:

— А вы обязаны постоянно знать все детали, товарищ Тимошенко, и держать нас в курсе событий. — И Сталин положил трубку.

В кабинете вождя в это время находились Молотов, Маленков и Берия. Выдержав небольшую паузу, Сталин сказал:

— Не нравится это их неведение. А может быть, мы сейчас поедem в Генштаб и сами посмотрим карты и донесения с фронтов.

Вот как описывает дальнейшие события, ссылаясь на воспоминания тогдашнего наркома иностранных дел В. М. Молотова, Герой Советского Союза писатель Владимир Карпов: «От Кремля до здания Наркомата обороны по улице Фрунзе ехать всего несколько минут. Когда члены Политбюро вошли в массивные двери, часовой, увидев Сталина и идущих за ним Молотова, Маленкова и Берия, настолько оторопел, что даже не мог спросить пропуска или что-то вымолвить. Члены Политбюро молча прошли мимо часового и поднялись на второй этаж, где был кабинет наркома обороны. В кабинете в это время были Тимошенко, Жуков, Ватутин, генералы и офицеры Генштаба, они стояли около больших столов, на которых расстелены карты с обстановкой на фронтах.

Появление Сталина и других членов Политбюро было настолько неожиданно, что все присутствующие на некоторое время просто онемели. Тимошенко даже побледнел, однако, будучи старым служакой, он быстро пришел в себя и подошел к Сталину с рапортом, как и полагается в таких случаях:

— Товарищ Сталин, руководство Наркомата обороны и Генеральный штаб изучают обстановку на фронтах и вырабатывают очередные решения.

Сталин выслушал доклад, ничего не ответил и медленно пошел вдоль стола с картами. Он остановился у карты Западного фронта. Тем временем на цыпочках, один за другим вышли из кабинета работники Генерального штаба, кроме Тимошенко, Жукова и Ватутина.

Сталин довольно долго стоял у карты Западного фронта и разглядывал ее. Затем повернулся к генералам и, явно сдерживая себя и стараясь быть спокойным, сказал:

— Ну, мы ждем, докладывайте, объясняйте обстановку.

Тимошенко хорошо знал Сталина, не только уважал, но и очень боялся его. Он понимал, что у Сталина внутри все клокочет, иначе он не появился бы здесь так внезапно. Не ожидая для себя ничего хорошего, Тимошенко стал сбивчиво докладывать:

— Товарищ Сталин, мы еще не успели обобщить поступившие материалы. Многие не ясно... Есть противоречивые сведения... Я не готов к докладу.

И тут Сталин сорвался:

— Вы просто боитесь сообщить нам правду! Потеряли Белоруссию, а теперь хотите поставить нас перед фактом новых провалов?! Что делается на Украине? Что в Прибалтике? Вы управляете фронтами или Генштаб только регистрирует потери?!

Желая как-то разрядить обстановку и помочь Тимошенко, которого Жуков уважал, начальник Генерального штаба обратился к Сталину:

— Разрешите нам продолжать работу.

Тут вдруг иронически спросил Берия:

— Может, мы мешаем вам?

— Обстановка на фронтах критическая. От нас ждут указаний, — сказал Жуков, стараясь быть спокойным и ни к кому не обращаясь, но затем, взглянув прямо в глаза Берии, с некоторым вызовом спросил: — Может быть, вы сумеете дать эти указания?

— Если партия поручит, дадим, — отрезал Берия.

— Это если поручит! — твердо парировал Жуков. — А пока дело поручено нам.

Повернувшись к Сталину, Жуков, опять-таки стараясь быть спокойным, сказал:

— Простите меня за резкость, товарищ Сталин. Мы разберемся и сами приедем в Кремль...

Все молчали, ожидая, что решит и скажет Сталин. Но и Тимошенко не захотел в трудную минуту оставлять без поддержки своего начальника Генерального штаба и, пытаясь прийти ему на помощь, сказал:

— Товарищ Сталин, мы обязаны в первую очередь думать, как помочь фронтам, а потом уже информировать вас...

Попытка Тимошенко сгладить ситуацию обернулась против него. Сталин опять вспыхнул:

— Во-первых, вы делаете грубую ошибку, что отделяете себя от нас! А во-вторых, о помощи фронтам, об овладении обстановкой нам теперь надо думать всем вместе. — Сталин помолчал и, видимо решив, что все-таки в такой ситуации лучше действительно дать военным возможность собраться с мыслями, сказал, обращаясь к своим спутникам:

— Пойдемте, товарищи, мы, кажется, действительно появились здесь не вовремя...

Члены Политбюро направились к двери и ушли, никем не сопровождаемые, так же как и появились здесь несколькими минутами раньше».

Шел восьмой день войны. До Победы над вероломно напавшей на Советский Союз фашистской Германией оставалось ещё 1410 тяжелых и кровавых дней...